

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

А. А. Турьгин

БИЛЕФЕЛЬДСКАЯ ШКОЛА

ПРИНЦИПЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

В 1970-е годы в исторической науке Германии, на фоне её кризиса, влекущего за собой смену парадигм, развернулась широкая дискуссия о теоретико-методологических основах истории. Некоторые историки из поколения родившихся между 1930 и 1940 гг., не ограничиваясь участием в теоретических дискуссиях, стремились способствовать дисциплинаризации истории в контексте социальных наук. Молодые историки обратились к социально-исторической проблематике, долгое время остававшейся в тени политической истории. Под социальной историей они, с одной стороны, понимали историю социальных структур, процессов и коллективных действий, а также, историю классов, сословий и социальных слоев, историю объединений, союзов, мобильности, урбанизации и т. д. С другой стороны, социальную историю довольно часто позиционировали как «историю общества», предметом которой являлось общество «в совокупности социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных явлений, скрепленных в определенные общественные формации»¹. Начиная с 1970-х гг. группа социальных историков во главе с Г.-У. Велером стремилась «изменить не только содержание и методы исторической науки, но и учредить другой научный стиль, который основывался на частых дискуссиях вместо профессорского выступления с кафедры»². Ими были предложены следующие принципы организации исследовательской работы:

- 1) Ориентация исследований на разработку исторических теорий, позволяющих всесторонне охватить исторический процесс. Создание всеобъемлющей исторической теории, на основании которой можно понимать частности, должно было стать одной из целей социально-критической истории;

¹ *Geschichte und Gesellschaft*. Vorwort der Herausgeber. Göttingen, 1975. S. 5.

² *Nolte P. Historische Sozialwissenschaft // Kompass der Geschichtswissenschaft / Hrsg. von J. Eibach, G. Lottes. Göttingen, 2002. S. 57.*

- 2) Принцип междисциплинарности, в соответствии с которым предпочтение отдается связям истории с другими науками. История должна была находиться в одном тесном ряду с социологией, культурологией, политологией и экономикой;
- 3) Критика существующей социальной действительности;
- 4) Исследование долговременных процессов, структур, условных связей между явлениями в макроисторическом контексте;
- 5) Акцент на политико-педагогической функции истории.

Значение для исторической науки требования «больше теории» было подчеркнуто представителями новой социальной истории в связи с необходимостью тесной кооперации гуманитарных наук. Это, по мнению Ю. Кокки, было нацелено на «применение систем эксплицитных и консистентных понятий и категорий, позволяющих обнаружить и интерпретировать определенные исторические феномены, которые не достаточно вывести только из источников»³.

Намерение актуализировать применение теорий билефельдские историки провозгласили на страницах журнала «История и общество», где оно было представлено как важный аспект обновления исторической науки⁴. Стремление разрабатывать и использовать в исследованиях самые разные теории позволяло социальным историкам концептуализировать систему разрозненных теоретических высказываний о современности, что соответствовало их цели охватить рамками теории как прошлое, так и современную действительность. Не случайно Г.-У. Велер указал на то, что «прошлое можно интерпретировать с помощью настоящего, то есть при помощи современных социально-научных категорий и моделей. Они обладают высокой степенью всеобщности, необходимой для анализа исторических социальных структур»⁵. При этом он уточнил, что «в процессе работы изменяются теоретические подходы, а гипотезы и источники взаимодействуют друг с другом. Цель состоит в разработке историком собственной теории, в том, что мы по всем правилам ограничиваем теорией историческое, вернее, пространственно-временное развитие, содержащее, однако, довольно общие элементы (например,

³ *Kocka J.* Theorien in der Sozial- und Gesellschaftsgeschichte. Vorschläge zur historischen Schichtungsanalyse // *Geschichte und Gesellschaft...* S. 9.

⁴ *Geschichte und Gesellschaft...* S. 5.

⁵ *Wehler H-U.* Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung: Studien zu Aufgabe und Traditionen deutscher Geschichtswissenschaft. Göttingen, 1980. S. 13.

обусловленные рынком классы в индустриальном обществе), что требует, расширяет и делает возможным сравнение»⁶.

Теории были особенно необходимы, когда историк обращался к изучению «социального», представленного как целый комплекс отношений между людьми. Теория позволяла типизировать социальные феномены, имевшие массовый характер, но тут же возникало противоречие с догмой историзма о неповторимости исторических явлений. С другой стороны, потребность в теории актуализировала интеграцию с социологией, которая изначально была теоретически ориентированной. Необходимость такой интеграции как раз и оказалась ядром конфликта с представителями эмпирически ориентированной исторической науки с её функцией критики источника.

Стремление структурировать хаотичную историческую действительность позволяло решить одну из профессиональных задач историка, претендующего на определенный уровень теоретических обобщений. Последующая постановка исторических вопросов, основанная на предварительном теоретическом осмыслении «исторического материала», делала возможным достижение «основательности во взгляде»⁷ на историческую действительность.

Ориентация билефельдских историков на создание и применение теорий была одним из следствий т. н. «поворота к М. Веберу»⁸. Задачу истории «дать каузальный анализ и каузальное сведение индивидуальных, обладающих культурной значимостью действий, институтов и деятелей»⁹ представлялось возможным решить с помощью теории. Полагая, что «действительность определенно не имеет никакой предметной структуры»¹⁰, Ю. Кокка пришел к выводу о том, что её структурирование в рамках отдельной теории позволит обнаружить и объяснить существующие каузальные связи.

Билефельдские историки считали, что окружающая действительность многомерна и многообразна, и поэтому необходимо не

⁶ Wehler H.-U. Fragen und Fragwürdiges. Eine gedämpfte Replik auf Golo Manns "Plädoyer" // Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. von J. Kocka u. Th. Nipperdey. München, 1979. S. 57-60.

⁷ Wehler H.-U. Historische Sozialwissenschaft... S. 206.

⁸ Wehler H.-U. Umbruch und Kontinuität. Essays zum 20. Jahrhundert. München, 2000. S. 227.

⁹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 622.

¹⁰ Kocka J. Sozialgeschichte. Göttingen, 1986. S. 17.

только отказаться от однолинейных интерпретаций действительности, но и признать существование различных путей её осмысления. Рациональное постижение действительности зависит от особого типа действия, направленного на приобретение знания о ней в «соответствии с познавательными намерениями и культурно-ценностными идеями»¹¹ субъекта познания, а пути рационализации мира — от того, в каких его сферах она происходила. Г.-У. Велер относил к ним экономику, политическое господство, социальную структуру и культуру. Это совпадало с точкой зрения Ю. Хабермаса, относившего к таким областям работу, господство и язык.

Исходя из идеи М. Вебера о двойном строении действительности — объективно существующем «огромном хаотическом потоке случайностей, который, благодаря потоку времени течёт дальше», и о структурированном мире, создаваемом учёным в процессе его осмысления, — предмет познания для социальных историков «возникал и мог быть структурирован в определенной плоскости»¹². На этом основании Г.-У. Велер пришел к выводу о том, что «человеческое знание в гуманитарных науках является частичным знанием»¹³, которое может быть адекватно интерпретировано в рамках отдельной науки. Как покажет опыт развития школы социальной истории, такое суждение будет тесно связано со стремлением к междисциплинарности, заявленным историками «билефельдской школы» в качестве одного из принципов исторических исследований.

Указывая на возможность структурирования социально-исторической действительности, билефельдские историки отметили одно важное обстоятельство. Если сама «разрозненная действительность»¹⁴ могла быть структурирована при помощи каузальных связей, то только после того, как будет адекватно понята аналитиком в этих связях. Лишь после исследования многозначной взаимосвязи её элементов, она может быть структурирована им в рамках предмета познания, что в свою очередь позволит ученому понять и внутренние каузальные связи. Предварительному пониманию и осмыслению действительности будет способствовать разработка и применение отдельных теорий в её отдельных областях.

¹¹ Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1. München, 1987. S. 7.

¹² Kocka J. Sozialgeschichte. S. 17.

¹³ Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1. S. 7.

¹⁴ Kocka J. Sozialgeschichte. S. 18.

Не менее важной в теоретических дискуссиях социальных историков стала проблема единичности и многообразия исторических теорий. Ей посвящена статья Ю. Кокки «Теории в социальной истории и истории общества»¹⁵, опубликованная в первом выпуске журнала «История и общество». Призыв социальных историков к разработке исторических теорий, по мнению Кокки, был актуален на фоне теоретической скудности традиционной историографии. Ускоренное развитие страны в послевоенные десятилетия в различных сферах общественной жизни обнаружило ограниченность прежних концепций, подходов, концентрированных лишь на одной из этих сфер; так, историки ФРГ долго отдавали предпочтение политике, а историки ГДР — социально-экономическим феноменам с явно выраженной идеологической составляющей. Применительно к традиционной политической истории важно было по-новому определить её основные категории, учитывая современные теории «социально-политических интересов и конфликтов», возникших на «социально-экономических основаниях»¹⁶. Это последнее обстоятельство априорно связывалось с трудностями, возникавшими у представителей традиционной историографии при исследовании новых объектов. Так, например, «оказалось, что внешне нелегко исследовать экономический рост или социальные отношения между классами без теорий или методов, использующихся в экономике или социологии»¹⁷.

Неоднократно подчеркивая точки соприкосновения прежней политической истории с идеологией, её слабые связи с действительностью, социальные историки настаивали на её неспособности предложить адекватную концепцию развития общества, актуальность которой была подчеркнута массовыми движениями 1960-х гг. Поэтому социальные историки ставили целью разработку исторической теории общественного развития, связанной с применением новых «категорий и систем понятий с потенциалом объяснения и отношением к современности», обратив внимание на то, что в историографии ГДР уже господствовал исторический материализм, который восполнял потребность в теории, хотя основные категории марксизма-ленинизма выглядели как эфемерные и некритические¹⁸.

¹⁵ *Kocka J.* Theorien in der Sozial- und Gesellschaftsgeschichte. Vorschläge zur historischen Schichtungsanalyse // *Geschichte und Gesellschaft*. 1975. Bd. 1.

¹⁶ *Ibid.* S. 10.

¹⁷ *Kocka J.* Theorien in der Sozial- und Gesellschaftsgeschichte. S. 10.

¹⁸ *Ibid.* S. 11.

Перспектива использования теорий, взятых из других общественных наук, аргументировалась социальными историками в связи с важностью исторического сравнения. Модель интерпретации в одной или нескольких областях действительности не может предоставить знание сразу обо всей действительности. Любая теория должна сравниваться с другими, аналогично ориентированными теориями. Это было необходимо, так как интерпретация действительности посредством «её собственных понятий и категорий», как в случае с теорией экономических формаций, не могла быть достаточно результативной. Для этого нужно было обратиться к другим социально-научным теориям¹⁹, позволяющим системно интерпретировать историческую действительность. В процессе подготовки системной теории социальные историки обратились к историческому анализу. Это позволило на основании большого исторического материала объединить разные сферы действительности — от материальных условий до движения населения, от экономического роста до социальных классов, групп, слоев, альянсов, от процессов социализации до коллективного менталитета, политических институтов и т. д.

Билефельдские историки предложили ряд критериев системного анализа общественно-исторического развития. В работе Г.-У. Велера «Предварительные соображения по истории современного германского общества» содержится перечень необходимых условий, которым должны соответствовать исторические теории: синтез и интеграция разрозненных элементов, создание функциональных и причинных гипотез интерпретации, комбинация специфических гипотез, значительная степень гибкости, максимум эмпирического содержания, необходимость обоснования критериев периодизации, способность учитывать разные темпы развития исторических структур и процессов, возможность сравнительного анализа, проверка эмпирической достоверности посредством сравнительно-исторических исследований и совпадения с номологическим и эмпирическим знанием в смежных науках, практическая значимость в широком смысле, способность предоставить необходимый понятийный инструментарий для синхронного и диахронного сравнения, необходимость согласования со специальными теориями, направленными на отдельные общественные проблемы и модели интерпретаций и т. д.²⁰

¹⁹ Ibid. S. 18.

²⁰ *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschafts-

Подчеркивая преимущества применения теорий в историческом исследовании, Велер указывает на два способа действия профессионального историка с историческим материалом: «Можно наглядно описать индустриализацию (дымовые трубы, возвращение вспотевших рабочих, холодные и расчетливые предприниматели), но, при помощи теоретического инструментария, как, например, поток капитала, чистые инвестиции, ценные бумаги и т.д. можно сделать это описание более точным»²¹. Как замечает по этому поводу Ю. Кокка, важно было проанализировать процесс индустриализации, а не описывать возникновение предприятий, дымовые трубы и т.д.²². Но нельзя забывать о том, что индустриализация представляет собой идеальный тип, не существующий в исторической реальности. Расширение теоретического инструментария приближает идеальный тип, в нашем случае — индустриализацию, к уровню «наивысшей реальности», иначе говоря, позволяет наиболее четко представить историческое явление во всех наиболее существенных внутренних взаимосвязях его элементов. А чем отчетливее становится идеальный тип, тем все более увеличивается его дистанция с тем, что действительно имеет место в истории. Таким образом, чтобы избежать лишних упрощений, теория должна строиться на основе анализа реальных фактов, событий, индивидуальных восприятий и т.д., позволяя при этом обнаружить не только каузальные связи (например, как и почему возник образ расчетливого предпринимателя), но и, расширив круг источников, а не теоретический инструментарий, сократить существующую дистанцию с исторической действительностью.

Предложения социальных историков в рамках требования «больше теории» можно свести к следующим: необходимость разработки и использования теорий в отдельных сферах действительности, а не теорий, охватывающих всю действительность сразу; повышение эффективности теорий посредством их эмпирической проверки (верификации), важность интеграции в историческое исследование специальных теорий из систематизирующих социальных наук.

Вторая половина XX века для исторической науки Германии была отмечена сложными процессами её специализации, дифферен-

geschichte // Industrielle Gesellschaft und politisches System. Beiträge zur politischen Sozialgeschichte / Hrsg. von D. Stegmann. Bonn, 1978.

²¹ Wehler H.-U. Historische Sozialwissenschaft... S. 215.

²² Kocka J. Zurück zur Erzählung? Plädoyer für historische Argumentation // Geschichte und Gesellschaft. Göttingen, 1981.

циации и интеграции со смежными общественными науками, что было частью общей тенденции в Западной Европе и США. Требование междисциплинарности позволяло социальным историкам не только учесть новые тенденции в развитии гуманитарного знания и покончить с традиционной изоляцией германской исторической науки, но и подчеркнуть актуальность идей М. Вебера. Вместе с тем, представление междисциплинарности в качестве идеального типа интеграции наук ставило вопрос о поиске альтернативных путей теоретического конструирования и последующего применения в историческом исследовании способов междисциплинарного действия.

В 1986 г. в билефельдском Центре междисциплинарных исследований проводился симпозиум «Идеология и практика междисциплинарности. Концепция Шельски, и что из этого вышло»²³, на котором были обозначены проблемы, касающиеся содержания, значения, перспектив и границ междисциплинарности. В последующую фазу развития социальной истории они придали основания для её критики. Во-первых, рассматривался вопрос о соотношении понятий «дисциплина» («дисциплинарность») и «специальность». Проблема возникла при определении границы понятий, их идентификации. Например, из существующего множества специальностей (около 4000), лишь незначительное число может соответствовать понятию «дисциплина» (около 20-30). При обращении к политической, экономической, исторической и социальной наукам — наиболее отчетливо выраженным дисциплинам — возникал вопрос об их равномерной интеграции; в то же время в Билефельдском университете, например, отсутствовала специальная кафедра политической науки. Во-вторых, сложность интеграции наук сводилась к языковым трудностям; столкновение двух или более научных дисциплин требовало выработки единого понятийного инструментария и инициировало длительный процесс взаимного декодирования отдельно взятыми науками языка из других наук, его расшифровки исходя из своих собственных понятий. Этот процесс отчасти приводил к разрушению внутренней логики и своеобразия той или иной науки и требовал её перестройки в соответствии с логикой интеграции. В-третьих, возникала проблема критериев интеграции в отдельных специальностях

²³ См., например: *Kocka J.* Einleitung, in: *Interdisziplinarität. Praxis, Herausforderung, Ideologie* / Hrsg. J. Kocka. Frankfurt a/Main, 1987. S. 7.

стях. В-четвертых, речь шла о недостаточном синтетическом потенциале различных теорий, существующих в гуманитарных и естественных науках и т. д. Одновременно поиск адекватных способов взаимодействия истории и других наук поднимал вопрос о том, насколько методы социальных наук адекватны истории как науке.

В основе позиции историков «билефельдской школы» лежит представление о том, что историческая наука нуждается в практической взаимосвязи с социологией, политологией и экономикой. Это намерение билефельдских историков было воспринято многими в качестве программного заявления²⁴. Велер отмечал, что достичь определенной общности с коллегами в этом вопросе было достаточно просто, поскольку имелся «общий опыт», и эта общность опыта выражалась в двойной специализации его коллег, полученной за время обучения в американских и британских университетах. Велер подчеркнул, например, что во время обучения сам он занимался на курсах социологии, Ю. Кокка занимался политической наукой (как и Г.-Ю. Пуле), С. Поллак был экономистом, а уже потом историком. Можно сказать, что все билефельдцы, каждый в свое время, получили разностороннее гуманитарное образование. Велер подчеркнул, что «тогда существовало мнение о том, что прежняя историческая наука не претерпела изменений. Отсюда был сделан вывод, что на лекциях и семинарах нужно было чаще говорить о творчестве М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма или К. Маркса»²⁵. Как подчеркнул Кокка, принцип междисциплинарности в 1970-е гг. наиболее ярко проявился в работах Г.-У. Велера в Германии, Э. Леруа Лядюри — во Франции, Э. Гидденса — в Англии»²⁶.

Вторая половина 1960-х гг. стала временем образования социально-либеральной коалиции, а также начала «критического пересмотра германской истории»²⁷. Мотив для критической рефлексии современной действительности возник из особых исторических условий (насыщенной политическими событиями истории Германии

²⁴ Nolte P. Op. cit. S. 58.

²⁵ Interview mit Prof. H.-U. Wehler zum Thema: “Die Bielefelder Schule und ihre Vertreter”. Bielefeld, 24.06.2005.

²⁶ Kocka J. Historische Sozialwissenschaft. Auslaufmodell oder Zukunftsvision? In: Oldenburger Universitätsreden. Vorträge, Ansprachen, Aufsätze / Hrsg. F. W. Busch und H. Havekost. Oldenburg, 1999. S. 11.

²⁷ Ibid. S. 22.

первой половины XX в.) и был связан с новым интересом к условиям и причинам появления национал-социализма, германской катастрофы, что, в свою очередь, дало импульс многочисленным историческим дискуссиям тех лет. В этой связи стали много говорить о так называемом «особом пути» Германии и гораздо чаще обращаться не к истории международных отношений и внешней политики, а к поиску ответов на новые вопросы: о традициях господства, об упущенных шансах, эмансипации, конфликтах, привилегиях, социальном неравенстве и т. д. В центре многочисленных дебатов находился вопрос о преемственности национализма в современности, чему во многом способствовал знаменитый «спор историков» вокруг тезисов сначала Ф. Фишера (1960), а затем — Г.-У. Велера (1973).

Дискуссии по новейшей истории Германии в большей степени затрагивали период современности и потому вызвали значительный интерес общественности. Критика современности способствовала возрождению критической функции исторической науки. Критически оценивая прошлое Германии и современность, можно было разработать адекватную модель будущего развития страны. В этой связи уместно сослаться на слова известного социолога Н. Лумана, получившего в 1968 г. профессию в Билефельдском университете и проработавшего там до ухода в отставку (1993): «Благодаря обращению к реальности, можно решить, что истинно, а что неистинно»²⁸.

Примечательно, что требование осуществления исторической наукой её критической функции в ФРГ совпало с общим движением протеста и критики правительственных мероприятий и государственной политики в целом. Своей известностью и повышенным вниманием общественности в 1960–70-е годы «билефельдская школа» критической социальной истории в некотором отношении была обязана не только пересмотру теоретико-методологических основ исторической науки, но и тем, что она всецело примкнула к политической оппозиции. Свою критику билефельдские историки обратили к современным условиям развития страны.

В критике действительности социальные историки развивали идеи Ю. Хабермаса и Франкфуртской школы. Критика «технократического общества» и призыв к общественным дискуссиям позволяют

²⁸ Луман Н. «Что происходит?» и «что за этим кроется?». Две социологии и теория общества. М., 1998.

говорить о роли историков «билефельдской школы» в общественно-интеллектуальных движениях «новых левых». Призыв к проведению реформ, а также критика власти и идеологии для социальных историков связывались с идеей «консенсуса» как результата рациональных дискуссий между правящими группами и политизированной общественностью. Идея «консенсуса» для «новых левых» казалась гораздо предпочтительнее таких средств выражения общественного мнения, как массовые движения протеста, забастовки, бойкоты и т. д.

С начала 1970-х гг. в исследовательское поле социальной истории в качестве новых объектов были включены структуры и процессы общественного развития. Социальное неравенство, процессы индустриализации и бюрократизации, возникновение национальных государств, мировых войн и локальных конфликтов позволяли судить о некотором всемирно-историческом единстве. Вместе с тем, обращение к надындивидуальным, глобальным процессам и структурам не было свойственно традиционной историографии и придавало основания критике традиционной истории с её предпочтением истории событий, идей, исследованием отдельно взятых «исторических ниш». Более того, введение новых структурных категорий, по словам Т. Вельскоппа, представлялось своеобразной «реакцией на постулат об интенциональной индивидуальности историзма»²⁹. Критика традиций германской историографии казалась убедительной, поскольку представление об исторической действительности становилось более полным и обстоятельным только тогда, когда те самые «ниши» рассматривались в общеисторическом контексте.

Проблема применения в историческом исследовании понятия «структура» была сформулирована и в определенной степени интерпретирована задолго до намерений билефельдских социальных историков разработать структурные основания исторического процесса. Еще К. Маркс обозначил структурную проблематику, отвечая на вопрос о соотношении «структуры» и «действия»³⁰. Аргумент о том, что «структура обуславливает индивидуальные действия» для биле-

²⁹ *Welskopp Th.* Die Sozialgeschichte der Väter. Grenzen und Perspektiven der Historischen Sozialwissenschaft // Geschichte und Gesellschaft. Göttingen, 1998. S. 178.

³⁰ *Welskopp Th.* Der Mensch und die Verhältnisse "Handeln" und "Struktur" bei Max Weber und Anthony Giddens // Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft. München, 1997. S. 39.

фельдских социальных историков стал принципиальным при отборе категорий макроисторического анализа и интерпретации действительности³¹. Вопрос о том, определяют ли структуры и индивидуальные процессы поведение и действия людей, или, наоборот, каждый человек способен создавать собственные структуры и вносить в них изменения, привлекал внимание многих ученых. Обращение к феноменам общественной жизни в их макроисторической перспективе предоставляло одну из возможностей сформулировать такой подход к истории, с помощью которого эти феномены могли быть адекватно и структурно осознаны. Благодаря Велеру и Кокке было усвоено и проработано понятие «структуры», вместе с которым в историческое исследование были привнесены долговременные процессы и массовые действия. Поскольку в историографии термин «структура» является неоднозначным, а с его применением связаны серьезные методологические трудности, целесообразно было бы сравнить то, как его понимали билефельдские историки, с тем, что он означал для наиболее влиятельных представителей системно-структурной историографии — Ф. Броделя и И. Валлерстайна.

Если у Броделя исторические структуры функционируют в рамках большой временной продолжительности (*longue durée*) и являются малоподвижными, то билефельдских историков интересуют «структуры в экономике, политике и культуре, создаваемые динамикой индустриального общества (например, капиталистическая или империалистическая структуры)³² и их преемственность³³. Тем не менее, при исследовании динамики развития того или иного процесса, социальные историки поднимали вопрос о том, «как далеко во временной продолжительности можно проследить преемственность определенных линий развития»³⁴. В этом случае в качестве общего основания для анализа процессов (например, промышленного роста середины XIX века) бралась долговременная и малоподвижная экономическая структура. Рассуждая о своем намерении исследовать структурные изменения в долговременной перспективе и находить

³¹ *Welskopp Th. Erklären // Geschichte. Ein Grundkurs / Hrsg. von H.-J. Görz. Reinbek, 1998. S.149.*

³² *Nolte P. Op. cit. S. 54.*

³³ *H.-U. Wehlers Brief vom 14.08.2006.*

³⁴ *Ibidem.*

определенные линии преемственности, Велер, например, указал на то, что «многое, возможно, пришлось перенять у Броделя»³⁵.

Точка зрения основоположника миросистемного анализа в историческом исследовании И. Валлерстайна близка социальным историкам в той мере, в какой автора интересовали динамичные изменения долговременной структуры и их влияние на историческую реальность. Велер, рассматривая экономическую структуру и процесс развития экономики в Германской империи 1871–1914 гг., последовательно и попеременно анализирует депрессии и развитие экономической конъюнктуры до кризиса 1913 года³⁶, что позволяет ученому отчетливее представить, какие именно политические, экономические или иные факторы в разное время оказывали влияние на экономическую конъюнктуру. Это необходимо для того, чтобы ясно видеть цикличность и динамику развития экономической структуры.

Структурно-исторический способ рассмотрения априорно имел каузальную архитектуру, так как исторические феномены осознавались, исходя из структурных и процессуальных условий, в которых осуществлялись действия акторов, и в которых решительно ограничивалась их свобода действий. Эти условия представляли собой результат структурных и процессуальных взаимодействий в экономике, политике и культуре, поэтому приоритеты в исследовании отдавались анализу так называемых «осей» (экономика, культура и политика), составляющих каркас любого общества.

Предпочтение в историческом исследовании структур и процессов во многом соответствовало намерениям М. Вебера и, в определенной степени, было сопряжено с его идеями. Предполагалось ввести в историческое исследование типологизирующий метод, что позволяло дополнить уже существующий индивидуализирующий метод и предоставляло возможность анализировать долговременные процессы и феномены общественной жизни. Кроме того, при типизации структур и процессов на основании экономических, политических или культурных критериев адекватным и востребованным оказывалось требование междисциплинарности, а также складывались благоприятные условия для исторического синтеза.

³⁵ Ibidem.

³⁶ *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. München, 1995.

Тем не менее, нельзя полностью идентифицировать социальную историю и историю структурную. Такой вывод делает Кокка³⁷. «Социальная история, — пишет он, — должна пониматься как “секторальная наука”, как история сектора или отдельной сферы исторической действительности, как отдельно взятая научно-историческая дисциплина, которая отличается от других благодаря своему собственному предмету исследования, специфическому исследовательскому полю... Кроме того, социальная история — это история всего общества, так называемая всеобщая история, рассматриваемая под социально-историческим углом зрения. Структурная история... не должна отождествляться с социальной историей. Ведь, с одной стороны, исследование структур можно было обнаружить в предметных областях других исторических дисциплин (в экономике, культуре); в этом случае структурная история не является специфически социальной историей. С другой стороны, социальная история — это всегда больше, чем просто структурная история, так как она исследует также социальный опыт и действия индивидов»³⁸.

Предмет исследования в западногерманской социальной истории (общество, рассматриваемое под углом зрения структур и процессов) понимался иначе, чем в ортодоксальном марксизме и марксистских социальных науках; общество воспринималось уже не как результат взаимодействия базиса и надстройки, являясь вторичным феноменом, а представлялось как совокупность социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных явлений, скрепленных в определенные общественные формации³⁹. Социальные историки особенно подчеркивали динамику развития общественных процессов, определяемую ими на основании интереса власти, специфических интересов социальных групп, экономических движущих сил (которые, определенно, не являются предпочтительными)⁴⁰. Так, подчеркивая недостатки существующих

³⁷ *Kocka J. Sozialgeschichte. Göttingen, 1986; Kocka J. Sozialgeschichte zwischen Strukturgeschichte und Erfahrungsgeschichte // Sozialgeschichte in Deutschland / Hrsg. von W. Schieder und V. Sellin. Göttingen, 1986.*

³⁸ *Kocka J. Sozialgeschichte. S. 133.*

³⁹ *Geschichte und Gesellschaft. Vorwort der Herausgeber. Göttingen, 1975.*

⁴⁰ *Wehler H.-U. Historische Denken am Ende des XX Jahrhunderts. 1945–2000. Göttingen, 2001. S. 59.*

системных теорий общества, прежде всего, марксистской, Г.-У. Велер указал на их статичность, преимущественное обращение к постоянным структурам, что в большей степени затрудняло исследование динамичных процессов, развитие которых они как раз затормаживали⁴¹. Динамику развития общественных процессов во многом позволяли проследить концепция двойного строения действительности и теория действий М. Вебера. Благодаря его идеям, которые в определенной мере связывали «объективные» демографические, экономические, социокультурные и политические процессы с «картинами мира» акторов, представлялось возможным проследить динамику процессов на основании изменения «картин мира» в каждую историческую эпоху.

Вопрос о том, почему произошли те или иные явления, события, процессы долгое время будет занимать историков. С одной стороны, он связан с намерением выявить их исторические корни, каузальные характеристики, проследить линии преемственности, с другой — с определением их значимости и влияния на современность и разработкой прогнозов на будущее. Знать, что из того, что было, привело к реально существовавшим или существующим ситуациям, разумеется, предполагает намерение свести к минимуму возможные отклонения от предполагаемой модели развития на будущее. Это, в свою очередь, подчеркивает воспитательную функцию исторической науки, обращение к которой обнаруживает значение идей в истории. Так, говоря о значимости культурно-исторического рассмотрения дарвинистского и расово-биологического дискурсов национал-социализма, Велер отметил особую роль идей для формирования этого исторического феномена⁴².

Тезис о понимании одной из функций исторической науки как функции «политической педагогики», уже в 1970-е гг. подвергался критике со стороны влиятельных историков, представителей так называемого «неоисторизма». Влиятельным критиком намерений билефельдских историков делать прогнозы на будущее и оценивать

⁴¹ Wehler H.-U. *Geschichte als Historische Sozialwissenschaft*. Frankfurt a/Main, 1973. S. 30.

⁴² Wehler H.-U. *Der deutsche Nationalismus bis 1871 // Scheidewege der deutschen Geschichte / Hrsg. von H.-U. Wehler*. München, 1995.

современное состояние общества был мюнхенский историк Т. Ниппердай. Ученый отмечал, что обращение к прошлому с намерением извлечь соответствующие уроки для современности (что демонстрировали историки «билефельдской школы») из-за крайности критических суждений исследователей превращается в своеобразный суд над предками. В свою очередь, объект исторического исследования — прошлое — предстает исключительно с негативной стороны. Такое предвзятое отношение к прошлому, из которого историк стремится извлечь только уроки, учитывая при этом любые погрешности и ошибки, в свою очередь, влечет апологетику современного общества, к которому он апеллирует. Настаивая на том, что «история должна быть объективной»⁴³, как и на «разграничении мотивов, интересов и политических воззрений ученого»⁴⁴, Ниппердай подверг критике презентизм Велера, апологетику современности и его политическую ангажированность. Он отказывался признавать за историей функцию политической педагогики, на чём настаивал Велер, отмечавший, что одной из обязанностей исторической науки как раз должна стать «обязанность политической педагогики»⁴⁵. Склонность некоторых историков вновь обратиться к позитивистской истории фактов, отказавшись делать какие-либо политические выводы и давать политические оценки, по мнению Т. Мергеля, можно объяснить, осознанием неудачи от «воспитывающей силы» истории, настойчиво подчеркиваемой накануне Второй мировой войны⁴⁶. В исследованиях по античной и средневековой истории представители нарративной историографии критиковали Велера за его стремление находить в прошлом исторические корни современности и делать на этом основании практические политические выводы.

Попытка переосмыслить функции исторической науки с тем, чтобы привлечь внимание к её проблемам и повысить её статус в то

⁴³ *Iggers G. G. Neue Geschichtswissenschaft. Von Historismus zur Historische Sozialwissenschaft. Ein internationaler Vergleich. München, 1978. S. 143.*

⁴⁴ *Nipperdey Th. Wehlers Gesellschaftsgeschichte // Geschichte und Gesellschaft, 1988. S. 403.*

⁴⁵ *Wehler H.-U. Aus der Geschichte lernen? München, 1988. S. 11.*

⁴⁶ *Mergel Th. Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Politik // Geschichte und Gesellschaft. Göttingen, 2002.*

время, когда все чаще стали задавать вопрос «зачем еще истории?»⁴⁷, фактически обеспечило повышенный интерес общественности к «билефельдской школе». Намерение обосновать воспитательную функцию исторической науки способствовало повышению престижа социальных историков в научных дебатах и обнаружению слабостей консервативно настроенных историков. Обращение к сфере политики также было сопряжено с тем, что долгое время историческая рефлексия служила господствующей идеологии и находящимся у власти группам, а процесс принятия политических решений и осуществления политических действий в большей степени определял векторы предполагаемого прогресса общества, чем, скажем, развитие экономики. То, насколько критически и осмысленно они принимались и осуществлялись, демонстрировали примеры из истории Германии. Следовало учесть, что сформированные на основании исторической рефлексии категории во многом «могли служить познанию и ориентации в социальном и политическом настоящем»⁴⁸. Некоторые из центральных категорий исторического изучения процесса принятия отдельных политических решений (свобода политических действий и её границы, конфликты и коалиции, политические цели и результаты принятия политических решений) и важных для понимания современной политики ФРГ, могли интерпретироваться точнее и лучше при помощи ретроспективного анализа. В итоге обстоятельного и критического изучения прошлого с акцентами на выявление воспитательного потенциала исторической науки и исследование категории «политическое» в рамках социальной истории возникло целое направление, получившее название политико-социальной науки⁴⁹, известное как «политическая педагогика».

⁴⁷ *Koselleck R. Wozu noch Historie? // Geschichte und Theorie / Hrsg. von H.-M. Baumgartner, J. Rüsen. Frankfurt a/Main, 1976; Kocka J. Wozu noch Geschichte? // Theorie und Praxis des Geschichtsunterrichts / Hrsg. K. Filser. Bad Heilbronn, 1974.*

⁴⁸ *Kocka J. Wozu noch Geschichte? S. 29.*

⁴⁹ *Mergel Th. Op. cit.; Kocka J. Sozialgeschichte. Göttingen, 1986.*